

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛОКПЕККАЗНЕ

18+

Сергей Лёвин

Послесказие. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Лёвин С.

Послесказие. Сборник / С. Лёвин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Сначала была сказка... Задолго до того, как мы научились произносить слова, из которых она была сложена. У сказки было мамино лицо и бабушкин голос... Мы не могли не любить ее и не верить ей. Даже в тот волнительный миг, когда она широко распахнула перед нами двери детской и, поцеловав в макушку, легонько подтолкнула вперед. Туда, где ждала неизвестность под названием жизнь. Какой оказалась эта жизнь после сказки, рассказали, каждый по-своему, авторы этой книги. Содержит нецензурную брань.

© Лёвин С., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Послесказие	5
От старой сказки – к «Послесказию»	5
Два Мороза	7
Беяш Монте-Кристо	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Послесказие

От старой сказки – к «Послесказию»

«Что за прелесть эти сказки!» – воскликнула однажды вслед за классиком могучая кучка творческих энтузиастов и решилась на отчаянную дерзость: переиначить горячо любимые с детства плоды российского фольклора под свою гребёнку, заодно подарив им новую – и весьма оригинальную! – жизнь.

Под раздачу попали как прекрасно знакомые любому дошкольнику тексты, так и малоизвестные широкому читателю творения. И если к первым можно отнести «Снегурочку», «Лису и зайца», «Волка и семерых козлят», «Зверей в яме», «Царевну-лягушку», «Кашу из топора», «Лису со скалочкой», «Курочку-рябу» и «Сказку про белого бычка», то вторых представили «Арысь-поле», «Хромая утка», «Два Мороза», «Заяц-хваста» и «Похороны козла».

Нашлось место и экспериментам, вдохновлённым архетипичными зачинами про некоторое царство, в котором непременно жил-был царь, и сборным солянкам, где исконно сказочные персоналии встречаются со своими литературными «коллегами». Единственный спор возник вокруг «Золотой рыбки», которую большинство отождествляет с хрестоматийным творением нашего всё. Да и тот сошёл на нет, когда притча о старике и его необычном улове обнаружилась в сборнике Афанасьева.

Занятно, что участники проекта, чьё географическое местоположение варьируется от Краснодара до Москвы и Тамбова, не сговариваясь, выбрали разные сказки. Не единожды востребованным оказался лишь «Колобок», представший в данном сборнике аж трижды в ипостасях алко-трипа, новорусской экзистенциально-бандитской саги и философской шутки.

С не меньшим жанровым разнообразием отнеслись к своей ответственной миссии и другие сказочники, взяв на вооружение мистический триллер, политическую сатиру (куда ж без неё в наше неоднозначное время?), полицейский хоррор, герметичный фантастический этюд, угрюмую «социалку», упражнение в постструктурализме и даже комикс.

Добавила проекту десяток-другой оттенков серо-чёрного его оформительская составляющая, ибо что за книжка со сказками без картинок?! Львиная доля атмосферных иллюстраций, а также обложка и рассыпанные по страницам этого издания декоративные элементы – дело рук анапского художника Ильи Копанева, которому помогли своим видением нескольких историй Ольга Шевлякова, Дарья Тоцкая и Валентина Кочубей.

Каждый из тех, кто вложил частичку души в этот проект, с молодых ногтей впитывал русские народные сказки, которые читали вслух родители или бабушки с дедушками, напиваясь вековой мудростью этих коротких и ёмких текстов, их вневременным юмором, живыми характерами героев. И в «Послесказии» постарался воздать дань предтече всей современной литературы, подарившей ей бессмертные сюжеты, которые не растеряли ни грамма актуальности и сегодня.

Какими бы странными, причудливыми, а порой откровенно страшными ни показались читателю получившиеся истории, в основе каждой из них лежит та самая народная сказка, которая дарит вдохновение целым поколениям писателей, поэтов и художников. Поэтому каждый элемент этого экспериментального альманаха – признание в бесконечной любви лучшим образцам отечественного фольклора, которые всегда будут жить в наших сердцах. И в сердцах наших потомков тоже.

Сергей Лёвин

автор: Роман Нефёдов
иллюстратор: Илья Копанев

Два Мороза

Всё это случилось в смутные времена, на стыке двух эпох, на руинах великого государства, исчезнувшего навсегда...

Старых идолов свергли, а новых ещё не назначили. Кассеты с песнями Modern Talking давно пылились на полках, а постмодерном в постсоветском пространстве даже и не пахло. В комсомол уже не вступали, но и «Единую Россию» ещё не придумали...

Жители Ленинграда в обиходе, между собой, называли свой город Питером, а по результатам референдума высказались за возвращение городу старого названия – Санкт-Петербург.

А Свердловск, стремительно став Ё-бургом – под выстрелы бандитских разборок, ещё только мечтал о красивом и гордом имени, подаренном ему императрицей Екатериной Первой, супругой Петра Великого...

В общем, всё в те времена было как-то запутанно и нестабильно.

Вот и наша история произошла, по всей видимости, из-за хронической неопределённости того времени.

На территории одного из многочисленных уральских заводов располагалось огромное множество никому не известных кооперативов, цель деятельности которых сводилась к одному: «срубить лавэ по-быстрому» и закрыться. Их бухгалтерская отчётность делилась на «чёрную» и «белую» и умещалась в школьной тетради в клеточку.

А если ты не кооператор, не торгаш, а уважающий себя бизнесмен, то правила хорошего тона, подвластные веянию времени, требовали громких имён и ярких вывесок. Слияние и поглощение, или сокращённо СП, становилось трендом 90-х. В цивилистике же эта аббревиатура обозначала «совместное предприятие».

Но, как всегда, истина была где-то рядом...

Так вот, жили-были два обычных коммерсанта, считавших себя бизнесменами. Их интересы постоянно пересекались, они конкурировали друг с другом, поскольку занимались одним и тем же: оба держали склады для хранения замороженных продуктов питания. Проще говоря, они продавали холод. Их орудиями труда, точнее, как следовало из курса политэкономии, средствами производства были морозильные камеры и рефрижераторы. Поэтому в узкопрофессиональной среде наших героев в шутку даже называли «два Мороза».

Однако надоели каждому из них постоянные «тёрки», то есть частые конфликты друг с другом, подставы и выяснения отношений. Оба понимали, что борьба за выживание для кого-то из них может обернуться бедой. И тогда они решили создать новую фирму, объединившись в СП.

Что ж, хорошая идея.

Один – так называемый «новый русский», другой, как говорится, «из бывших». Один молодой да ранний, другой возрастной да мудрый.

Иными словами, это были два совершенно разных человека, но поскольку каждый делал равноценный вклад в общее дело, трудно им было решить, кто возглавит совместное предприятие. Они могли бы разбежаться, так ничего и не заработав, но здравый смысл взял верх и свёл их в споре: чьи холодильники сильнее морозят? Победителю досталась бы должность генерального директора. Но как оценить степень холода, если термометры китайские, а холод то наш, русский? Неправильно как-то...

– Давай, – предлагает молодой партнёр, – я залезу в твой рефрижератор, а ты – в мой! Кто дольше просидит там, тот и выиграет, тому и быть главным на нашем предприятии!

– Идёт! – соглашается старый, – только мне ли с моим простатитом в холодильнике мёрзнуть?

– И то верно! А ты вместо себя сторожа своего посади. Он хоть и хилый, но на вид молодой, значит, выдержит, – настаивает с возрастающим азартом и лёгкой иронией младший партнёр, – а я тоже кого-нибудь подыщу, вот пускай они нас и рассудят! А не получится ничего, хоть поржём!

Так и решили.

На следующий день спорщики были в сборе.

Молодой Мороз привёл с собой странного типа неопределённого возраста и явно без определённого места жительства, с физиономией бывалого алкаша, но по случаю приодетого в дорожную кожаную куртку с воротником и подкладкой из шерсти, зимние сапоги, в лайковые перчатки и нутриевую шапку-формовку. Ну прямо «коммерс»!

А сторожа приволокли сразу после дежурства, в одном свитерочке, да с газеткой в руках. На вид ему было не больше двадцати лет, точно студент с рабфака политеха на подработке. И внешности такой, ну, скажем, вылитый Шурик – герой Александра Демьяненко из всеми любимой комедии Гайдая.

Засекли время, и каждый вошёл в отведённую ему камеру (морозильную, конечно).

Проходит минут двадцать. Кому-то это показалось вечностью, но только не нашим героям, томящимся в застенках морозильника. Они мужественно молчали... до определённой поры...

Подождали ещё минут пять-семь. Вдруг раздались невероятные крики:

– Ах ты сопляк хитровымудренный, лучше бы мне фуфайку какую или телогрейку с чекушкой «палёнки» дал с собой! Вырядил меня в это фуфло из пыжика беспонтового!

Далее шла нецензурная лексика, краткая суть которой сводилась к якобы нетрадиционной ориентации нашего молодого коммерсанта и распутной жизни его ближайших родственников.

Замёрзший бродяга ещё бы долго ругал своего благодетеля, который прикупил для него фирменную одежду, да только подставная фигура нашего нувориша продержалась ещё не больше минуты.

В общем-то, неплохой результат в любой другой ситуации, хотя...

Все присутствовавшие давно сгорали от нетерпения узнать, чего это притих парнишка-сторож в соседней камере, уж не помер ли от холода?

Заглянули и к нему...

А он целёхонек, жив и даже неплохо себя чувствует! Видимо, на пользу пошла служба в Советской армии, куда его призвали с первого курса института. Студент бодренько так прыгает, руками вверх-вниз и в стороны машет, аж пар изо рта, носа и ушей валит! А газетку-то он не читать брал, он ею обмотался, грудь, спину прикрыл между майкой и свитером, чтобы родные 36,6 градусов внутри него лучше сохранились. Во как!

Понятно, кто спор выиграл, кто генеральным стал.

Суть сего повествования ведь не в том.

Может, я и не решился бы пересказать старую добрую сказку... Да что-то взгрустнул я, размышляя об извечном конфликте отцов и детей, о непрекращающемся противостоянии старого с новым и о смутном времени – на стыке двух эпох, – приведшем к исчезновению великого государства...

Зато с тех пор довольно часто можно заметить в зимний период мужичков подозрительной наружности и с протокольными лицами, запасавшихся газетками.

Это потому, что россияне – самая читающая нация в мире!

К тому же морозоустойчивая.

автор: Лев Рыжков
иллюстратор: Илья Копанев

Беляш Монте-Кристо

Пролог

Май 1994 г. Окрестности Савеловского вокзала

Последние слова Сашки Беляша в этом мире были нелепы:

– Не подавись.

Адресовались они Димке по прозвищу Рыба. Димка был огромен. Он работал у Беляша охранником.

Рыба прикрывал босса и на вокзальной площади. Он обратил внимание на белый, в ржавчине, «москвич», который въехал на стоянку быстро, неаккуратно. «Так не паркуются», – успел понять телохранитель. Рыба автоматически прикрыл босса и умер меньше чем через секунду. Пули из АКМ попали в печень, лёгкие, разорвали гортань и тонкий кишечник. Но умер Рыба от одной-единственной пули, вошедшей в мозг через лобную кость чуть выше правой брови.

Беляш бросился к джипу. На бегу понимал – успеть невозможно.

Он и не успел.

Минутой раньше

Вообще-то Сашка Беляш со своими людьми ехал в ресторан. И глупо было останавливаться у киоска «Беляши».

Но босс сказал водителю:

– Жрать хочу, сил нет. Давайте на Савелу заедем?

– За беляшами? – хохотнул водитель, здоровенный пацан с погремухой Лоб. Раньше его звали просто Жлоб, но у солидных пацанов таких погонял не бывает. К тому, что он именно Лоб, водитель ещё не до конца привык.

Приколы шефа Лоб знал. Он умрёт через 17 секунд после босса, успев перепачкать с тыльной стороны треники, которые из принципа носил под пиджак «армани».

Непосредственно за водителем сидел Гришка Сальери – самое доверенное лицо босса. Сам себя он называл консьюэри, как в «Крёстном отце». Но иноязычный термин быстро трансформировался во что-то более-менее всем понятное. Сальери был тонконос и тонкогуб, на бледное лицо свешивались блеклые волосы.

Сальери думал, что понты до добра не доведут. Хотя и босса понять было можно. На моральный дух бойцов бригады босс, жрущий у ларька беляши, влияет лучше, чем босс, чинно поедающий фуа-гра с пармезаном в элитном кабаке. Босс для них – свой, понятный. И это важно.

Плюс проставляется сторона, принимающая их в ресторане. Возомнившие о себе барыги, в общем-то. Босс им многое скажет только лишь тем, что едва притронется к угощению. Это тоже важно.

«Третий момент, – анализировал Сальери, – боссу важно опоздать. Хотя он человек и пунктуальный, но кое-куда категорически нельзя приезжать вовремя».

Сальери нашёл бы ещё с десятков причин, но услышал стрельбу и нырнул между креслами.

Он умер последним. Спустя одиннадцать часов. Он кричал, полз, прятался. По нему (его спине) стреляли, но убийцы торопились, а Сальери всё не умирал. Он поймал телом двадцать четыре пули, дожил до больницы, пришёл в сознание и дал показания. Впрочем, его свидетельства следствию никак не помогли.

Преступники, расстрелявшие криминального авторитета Александра Беляшова, так и не были найдены.

Следующие 20 лет

Следующие двадцать лет Саша Беляш провёл там же, где его убили.

Ареал его обитания составлял узкий пятачок плитки от входа в метро до киоска, который, хотя и торговал одним и тем же, сменил одиннадцать названий. Он назывался «Чебуреки», «Обжора», «Свежатинка», «Ням-ням», «Пальчики оближешь». Прочие названия тоже обыгрывали гастрономические идиомы и наименование продукции.

Из криминального авторитета Саша Беляш превратился в привидение.

Собственную смерть Беляш осознал не сразу.

Сначала его словно *выдуло* из тела, а потом легко и *щекотно* понесло куда-то вверх. Вверху была воронка – вроде как смерч навыворот. Сначала в него нырнул Рыба. А вот Беляш задержался – стал рассматривать тех, кто его мочканул. Осмотр ничего не дал – рожи были Беляшу незнакомые, сто процентов нанятые.

Беляш чувствовал лёгкость. Избавиться от тела оказалось весело. Всё равно как нырнуть в бассейн с шампанским.

Потом к воронке полетел Лоб.

Воронка тоже была *весёлая*, как двери кабака в Вегасе. Беляшу очень хотелось попасть в неё.

Но этого не случилось. Беляша остановила невидимая стена, на преодоление которой у бывшего авторитета ушло двадцать лет. Как у долбаного графа Монте-Кристо.

Несколько первых лет Беляш пытался вырваться из заточения по-тупому. Он всё надеялся, что в невидимой стене откроется лазейка. Он рыскал и кружил.

Изо дня в день его надежды разбивались в прах.

Ночами Саша Беляш выл. Но его никто не слышал. Случайным прохожим в лучшем случае казалось, что как-то по-особому воет ветер. А эта информация – не такая важная, чтобы хотя бы попытаться её запомнить.

Вскоре Беляш стал узнавать прохожих в лицо. Потом он стал замечать, что знакомые лица постарели. Беляш пытался свыкнуться с мыслью, что впереди у него – целая вечность. И пройдёт она – вот здесь. Осознавать это было ужасно.

Чуть менее ужасным было понимание того факта, что ларёк, около которого витал бесплотный криминальный авторитет, торговал самыми гадостными, самыми тлетворными и гнусными беляшами во всей Москве. Призрак вора в законе знал всю секретную кухню мерзкого заведения. Терзала мысль: «Вот из-за этой гадости я и умер!»

Но даже в этот прискорбный период посмертного бытия у Беляша происходили важные встречи.

Всего их случилось три.

Встреча № 1

Первая важная встреча произошла через восемь лет, пять месяцев и девять дней после расставания Беляша с физической оболочкой.

В ареале бесплотного обитания Саши Беляша вдруг появились знакомые морды. Постаревшие, отъевшиеся. Лёха Рыжий и Федька Пень.

Они остановились около киоска «Беляши».

– А ведь здесь Беляша-то вальнули, – сказал Пень.

– Ага, – подтвердил Рыжий.

– А киоск как стоял, так и стоит.

– Так крыша у него какая!

Беляш-призрак многое мог бы об этом рассказать.

– А Беляш хороший вор был, правильный, – сказал Пень.

– Да базару нет, – подтвердил Рыжий. – Хавал по-простому, не в ресторанах. Оттого и смерть принял.

– Это да.

«Спасибо, пацаны! – думал растроганный Саша Беляш. – Спасибо на добром слове!»

Он бы и прослезился – если б было чем.

Но дальше пацаны вдруг испортили призраку настроение.

– А ведь это баба Беляшова его заказала, – вдруг изрёк Пень.

«Чего-о-о?» – взвыл ошарашенный полтергейст.

– Как так? – удивился и Рыжий.

– Не я придумал, мужики рассказывали.

«Ну-ка, ну-ка!»

– Она же всё бабло получила от Беляша. А потом года не прошло – замуж вышла...

«ЗА КОГО?» – взревел Беляш.

Пень словно услышал этот вопрос:

– И прикинь – приколы. За охранника. Славкой, что ли, звали...

Беляш чувствовал себя как встарь, на ринге. Когда ты выхватил по роже, и от нокаута отделяет какая-то незримая волосинка, и ты за неё цепляешься, и уцепиться не можешь.

Пень с Рыжим уходили. И говорили о нём, о Беляше!

«Стойте, пацаны! Стойте!» – кричал, завывал призрак. Но если бы они его слышали!

Саша Беляш распластался по невидимой стене. Он рвался, бился, изрыгал проклятия. Клетка находилась на своём месте.

Последствия встречи № 1

Шли дни. Сначала Беляш не мог поверить. Чтобы Лизка его заказала? Как так? Как вообще можно было такое придумать? Но затем, анализируя крохи информации, которые были в его распоряжении, сопоставляя их с собственными воспоминаниями, Беляш понял, что да – так оно и было. Лизка же посматривала на Славику этого – качка улыбочивого. Симпатию ему выказывала. А тогда, перед бассейном, они взглядами обменялись. А он – Беляш – о важном думал, значения не придавал.

Времени для размышлений было в избытке. Беляш вспоминал. И сходил с ума. Косвенных свидетельств злоумышления Лизки было с избытком – и разговоры по телефону, и перепады настроения, и многие другие знаки. Всему этому Беляш, будучи живым, не придавал значения. Дурак! Дурак!

Встреча № 2

Встреча № 2 произошла ещё через девять лет и восемь месяцев.

О чём думало в эти годы печальное привидение, лучше не знать во имя сохранности рассудка. Скажем только, что несколько лет бывшему Беляшу казалось, что он находится в аду. Что так вот ад и выглядит – назойливое одиночество в одном месте, рядом со зловонной забегаловкой. Ещё Беляшу казалось, что он – единственная инфернальная сущность на всей Земле.

Так он думал до одного июньского вечера, в который он почувствовал, что в его ареал обитания *вторглись*.

Призрак встрепнулся, и в доли секунды увидел гостя. Точнее, гостей.

Главным гостем был мрачного вида толстяк, которого несли по воздуху два перепончатокрылых демона со зверскими рожами. Следом своим ходом летела свита толстяка. Вон тот, с пройдошистой мордой, определённо был *Сальери*.

– Стойте! Стойте! – бросился на перехват ошалевший от одиночества призрак.

Толстяк даже не смотрел на Беляша. В мире людей такой кортеж наверняка проезжал бы с мигалками. Попробуй-ка, останови!

Беляш оказался прямо на пути демонов.

– Прочь! – рявкнул один из перепончатых.

Толстяк нахмурился. Но и только.

– В чём дело? – около Беляша возник юркий *Сальери*. Призрак вдруг рассмотрел на его голове маленькие рожки.

– Братва! Пойдите! Помогите выбраться отсюда!

– Ты понимаешь, *кого* ты остановил со своей проблемкой? – прошипел *Сальери*.

– Пожалуйста! Умоляю! – завыл Беляш. – Я здесь уже двадцать лет.

– Пшёл вон!

На этом разговор мог бы и закончиться. Но Беляшу повезло.

Толстяк захохотал.

– Двадцать лет! – повторял он. – Двадцать лет!

И что в этом было смешного?

– Ваши мучения ничто по сравнению с вечностью, – *Сальери* вдруг перешёл на «вы». – И, по-хорошему, ваша дерзость должна бы быть наказана, но, так и быть...

Он быстро сообщил Беляшу, что на месте его держит *Миссия*. А своё место он, может, покинет, а может, и нет.

– Посоветовал бы вселиться во что-нибудь, – сказал он напоследок.

– Во что? – спросил Беляш.

– Понятия не имею. Может, и в кого. Увидите в своё время.

– Когда? – застонал Беляш.

Но кортеж уже мчался прочь.

А Беляш снова ляпнулся о невидимую стену.

Последствия встречи № 2

Беляш воспрянул духом, насколько такие слова могут быть применены к призраку.

Его существование определённо обрело смысл. Появилось занятие. Он стал цепляться к прохожим, залезал в их головы, пытался там закрепиться.

Всего было 18 243 попытки. Ни одна не увенчалась успехом. Всякий раз Беляша *вышибало* из чужих тел.

Он вспомнил слова демона-*Сальери* про *что-нибудь*, во что тоже можно вселиться. И Беляш отчаянно проникал женщинам в сумочки, в рюкзаки и портфели мужчин.

Успехом ни одна из этих попыток также не увенчалась.

Но в посмертном бытии криминального авторитета появилась *надежда*. Он знал, что однажды ему всё-таки повезёт.

Предчувствия оказались оправданы. Удача улыбнулась призраку через четыре месяца и два дня после встречи № 2.

В его посмертном бытии состоялась ещё одна встреча, которая, собственно, всё и изменила.

Но, прежде чем рассказать о ней, нам надо познакомиться ещё с одним героем, который сыграет в нашем повествовании очень важную роль.

Новый герой

Хотя на самом деле это – героиня. Зовут её Жучка.

Это – некрасивая собака, жившая в складском районе города Лобня.

Жучка успела трижды побывать матерью, родив четырнадцать щенков. Но не эти обстоятельства делают её героиней нашей истории.

У Жучки был талант особого рода. Талант, существования которого собака совершенно не осознавала и который стал причиной её гибели.

Жучка обладала своего рода экстрасенсорными способностями. Проявлялись они в том, что собака совершенно точно знала, где и когда выбросят что-нибудь съедобное. Она оказывалась у нужных дверей или у той самой помойки точно тогда, когда возникало, чем поживиться.

Вследствие этого дара Жучка жила достаточно беспечной жизнью. У неё даже развилось ожирение. Незадолго до смерти Жучка весила 24 килограмма.

Умерла она, объевшись испорченной колбасой. Смерть была мучительна.

Посмертная судьба Жучки

Гораздо любопытнее посмертная судьба Жучки.

Её тело обнаружили два гастарбайтера-бадахшанца, работавшие в мясном цеху неподалёку от места кончины талантливое животное.

Гастарбайтеры согласованно заташили собаку в цех, ободрали, разделали и перемололи в фарш, которого получилось двадцать килограммов триста граммов. Собачьим фаршем они подменили говяжий, который забрали себе.

Перемолотые останки Жучки пять суток пролежали в морозильной камере. Впрочем, камера была обесточена и не морозила, скорее, согревала. Через пять суток фарш прибыл в киоск «Беяши» на площади перед Савеловским вокзалом.

И вот тут-то наша история и начинается по-настоящему.

Часть I

От дедушки

Жучка и её чувство мяса

Даже будучи фаршем, сверхъестественная собака оказалась способна видеть сны. Все пять суток, проведённые в тёплой и уютной морозильной камере, Жучка проспала. Перемолотая собака сладко грезилась.

Когда-то Жучка была молода и хороша собой. И на неё в своё время тоже завистливо поглядывали сучки.

В своём посмертном сне Жучка снова оказалась объектом вожеления. Её организм дразнил самцов благоуханием подхвостья. Псы собрались вокруг благоухающей Жучки и готовились выяснить, кто из них достоин подойти к ней первым. Традиционно назревала драка.

А саму Жучку дразнил аромат мяса. Чувство это было хорошо ей знакомо при жизни и не имело ничего общего с обонянием. Скорее, оно было чем-то вроде внутреннего компаса, указывавшего Жучке направление движения.

Ведомая своим даром, Жучка прорвала пёсье оцепление и помчалась через пустырь. Псы – увязались. Это было досадно. Прецеденты случались. И мясо в таком случае доставалось вовсе не Жучке, его обнаружившей. Прожорливые, вечно голодные животные тут же забывали про всякую любовь, начинали жадно жрать. Жучка вообще не сомневалась в изначальном скотстве мужской природы.

Стрелка внутреннего мясного компаса указывала достаточно далеко от привычного места обитания. Ведомая наитием, Жучка проскочила гаражи и оказалась в микрорайоне.

Псы не отставали. Их стало даже больше. Оглянувшись, Жучка поняла, что ведёт за собой настоящее полчище, охватить которое взглядом казалось невозможным. Мясо было по-прежнему далеко, и Жучка ускорила. Вот исчез за изгибом хвоста родной город Видное.

А за ним вдруг начался другой город – старинный, незнакомый, центром его была огромная, протыкающая небеса железка. Узкие улицы вили туда и сюда, и Жучка поневоле перешла с бега на шаг. Сбавили скорость и псы-преследователи. Их было так много, что они заполнили все окрестные улицы.

Псы лаяли, но как-то странно. И дружно, словно повторяя за кем-то.

– Жосвиебдо! – брехали старые и молодые. – Жосвиебдо!

Жучка тоже почувствовала, как сознание её поглощает коллективная дурость. Стремительно захотелось стать как все.

– Жосвиебдо! – подхватила она.

И выпрыгнула из сна, сделавшегося вдруг утомительным.

Зомби-фарш

Пробудившись, Жучка обнаружила, что она превратилась в фарш.

Мясная субстанция была распределена по четырём нечистым корытам в тесном помещении киоска «Беляши» у Савеловского вокзала. То, что когда-то было Жучкой, сейчас мяли грубые жёсткие руки в мозолях.

Руки принадлежали женщине пятидесяти четырёх лет по имени Зюзюля.

– Жосвиебдо! – ругалась она, недовольная качеством и свежестью фарша. – Ебдокихты-хларпистык.

Зюзюля (как и её муж Гунсус-Мунсус) выросла в глухом горном селе на стыке границ Таджикистана, Афганистана и Китая. В селе говорили на своём особом языке, который когда-то понимал только чудаковатый учёный-лингвист из Ленинградского университета, да и тот умер 78 лет назад.

– Пистыккрехтехтежосвиебдо! – согласно возмутился 57-летний седовласый Гунсус-Мунсус.

– Трюютлармококок! – негодовала Зюзюля.

– Ихтытыщпыщпродрислар, – соглашался Гунсус-Мунсус.

Эти люди наводили на Жучку ужас. И собака решила поступить так, как всегда в подобных ситуациях – убежать.

Жучка стала лепить заново своё тело. Послушные её воле атомы и молекулы устремились срастись воедино. Вот появилась голова, вот лапы, туловище.

– Ай, ай, гряхтюхтюк! – закричала Зюзюля.

– Кыщпередыщ? – спросил Гунсус-Мунсус.

– Бебец! – жалобно простонала его жена.

Жучка без особой уверенности поднималась на мягкие лапы, пытаясь выпрыгнуть из корыта.

Да, можно было предвидеть, что её побегу будут не рады. Но нападение всё равно оказалось неожиданным.

Зюзюля ударила Жучку по свежеслепившейся голове деревянной лопаткой. Голова собаки разбрызгалась по углам и стенам.

Но и Жучка имела опыт драк. Она немедленно вырастила себе новую голову – чуть в стороне от предыдущей – и цапнула Зюзюлю за руку. Жучке повезло – как раз в районе новой головы находился острый осколок кости, каким-то чудом миновавший жернова мясорубки, который и вошёл в запястье Зюзюли. Брызнула кровь.

– Аааа! Бишмиртакбаеун! – разразилась тётка ругательствами.

Жучка приготовилась к прыжку, но тут Гунсус-Мунсус нанёс ей страшный удар огнетушителем по хребту. Фарш разлетелся по внутреннему пространству ларька.

Жучка не сдавалась и решила схитрить. Она воспользовалась тем, что Зюзюля с Гунсус-Мунсусом отвлеклись на первое корыто, быстро слепила себе тело в самом дальнем, четвёртом по счёту, чане, сосредоточилась и как можно незаметней перевалилась через край и шмякнулась на пол.

Она бы и убежала, но от удара об пол зомби-фарш деформировался, и Жучка потеряла несколько драгоценных мгновений на то, чтобы снова собрать себя воедино.

– Ноднагкышкышларбдыдыщ! – подняла тревогу Зюзюля.

Вторая из Жучкиных эманаций также получила сокрушительный удар огнетушителем.

Впрочем, борьба продолжалась. Хотя Жучка и слабела.

Гунсус-Мунсус был трезв и бдителен. Теперь он смотрел на корыта, и стоило только фаршу зашевелиться, как Гунсус-Мунсус обрушивал на него огнетушитель.

Зюзюля тем временем раскатывала тесто, и попутно выдёргивала из ближайшего чана кусочки зомби-фарша и тот оказывался в липкой холодной ловушке. А затем и в печи, на ужасающего вида противне.

Ларёк наполнился мясным духом. Проникнув на улицу, он стал приманивать покупателей. К ларьку с мелочью в руках тянулись проголодавшиеся бедолаги. Гунсус-Мунсус бойко торговал, ухитряясь незаметно для покупателей пресекать попытки фарша к бегству.

Спустя час и восемнадцать минут 43 % бывшей Жучки уже было съедено и, урча в желудках, термически обработанные остатки собаки распространялись по Москве.

– Фу-уф! Салебаязыкыштышлар, – произнесла утомившаяся Зюзюля.

– Киштык-шмириштык, – сказал ей Гунсус-Мунсус, указывая на веник.

– Брекекеупспрдыбф, – согласилась его жена и стала подметать кусочки фарша с пола.

Того, что удалось соскрести с пола и стен, хватило ещё на 18 беляшей.

Тем временем Беляш

Призрак вора в законе, конечно же, не мог не заметить *кишши*, который происходил на его территории. Беляш наблюдал за схваткой ориентального семейства с зомби-фаршем. И симпатии авторитета были на стороне мясной продукции, поскольку и Гунсус-Мунсуса, и Зюзюлю с их отвратительной кухней Беляш знал уже очень давно. И не с лучшей стороны.

Но было ещё одно обстоятельство. В какой-то момент призрак понял, что попал в ловушку – как железный терминатор у электромагнита. Он понял, что мясная масса не является чем-то заурядным и обыденным.

Фарш словно говорил Беляшу: *«Иди сюда, ты нужен мне! Ко мне!»* Да что там говорил! Приказывал!

И Беляш не мог послушаться.

«Сюда!» – безмолвно, но отчётливо звал фарш. – *Иди сюда!»*

Фарш засасывал унылую субстанцию призрака, как осеннее болото – тело пьяного грибника. Как Лизкины порочные губы оливку из бокала мартини.

А ещё мгновением позже Беляш обрёл плоть. Новое тело было перемолото в мясорубке, напиговано не самым свежим луком, густо наперчено, смешано с мусорной дрянью с пола и веника.

Встреча № 3

После двух десятилетий призрачного бытия ощущение плоти, ощущение наличия телесной массы стало пьянящим.

«Я живу! – ликовала душа Беляша. – У меня есть тело!»

Корыто оказалось восхитительно прохладным. А сквозняк с улицы казался освежающим дуновением (хотя, признаем, в затхлой атмосфере беляшного ларька морозный сквозняк как раз и являлся таковым).

В то же время, блаженствуя в фарше, Беляш понимал, что рядом, в той же субстанции *живёт* ещё один обитатель.

«Псина! – догадался авторитет. – Ну, так мы её подвинем».

Жучка уступала место неохотно, огрызалась. Неизвестно, чья бы взяла, если бы собака не ослабела в сражении с Гунсус-Мунсусом и его женщиной. Ворча и отбрехиваясь, она удалилась на задворки сознания.

А Беляш, вселившись в кучку сомнительного перемолотого мяса, ощущал себя Александром Македонским на пике славы. Но затем мозолистая рука Зюзюли выскребла остатки мыслящего фарша из котла, швырнула в липкое тесто, проворно запечатала края и швырнула в печь.

Огненные врата

Кому-то пребывание в печи могло бы показаться адом, несусветной и нестерпимой мукой. Но только не Беляшу, который, обретя плоть, наслаждался каждым ощущением вновь явленного бытия. Раскалённая печь мнилась ему, скорее, банькой. А париться на верхней полке, да с веничком, Беляш уважал.

«Ох, хороша банька! – мысленно прикряхтывал он. – Ох, жарку даёт!»

Вместо пота его новоявленная телесность исторгала склизкий жир, и тот тёк по замысловатым коридорам со стенами из теста.

В огненной печи новое тело Беляша обретало твёрдость, переставало быть рыхлым и комковатым, становилось упругим и поджарым. Тесто стало частью этого тела, его мозолистой, поджаристой кожей.

Но не дремала и изгнанная на задворки собака. Именно сейчас, когда криминальный авторитет расслаблялся в «баньке», Жучка предприняла отчаянную попытку вернуть себе захваченное тело. Чахнувший экстрасенсорный импульс подчинил себе покров теста, протолкнул сквозь твердеющую, покрывающуюся корочкой тестовую массу очертания лап – одной, второй, четвёртой. Выдвинул бугорок головы.

Жучка и при жизни была упрямой собакой. Посмертие несколько её не изменило. Собака всё ещё надеялась победить.

Золотой зуб

Из печи заструилось зловоние. Это был давний, на уровне инстинктов усвоенный знак – беляши готовы. Уже долгие годы Зюзюля вытаскивала из печи противни совершенно машинально, не задействуя разум.

Мысли Зюзюли витали в жаркой и далёкой, затерянной от мира, долине Кышпыш, где, разбогатев в ледяной Москве, они с Гунсус-Мунсусом купят участок земли и построят дом. Дом большой – родственников много. Сыночки чтобы жили – Мыштыг, Быштыг и Кыбдыбды-Джымшыг. С детишками своими. Комнаты две нужно. Или даже три. Пятьсот долларов стоит, как минимум. Вроде не большие деньги, а накопить не получается. В Москве всегда находился кто-то, кто отбирал все деньги. Часто это были полицейские. Иногда пожарные и санэпидстанция – с ними разбирался хозяин, но после визитов этих инстанций долго не платил денег и приходилось тратить накопления. Забрать все деньги могли даже стоматологи – ведь не так давно Гунсус-Мунсус вставил себе золотой зуб. Он истратил все сбережения, и Зюзюля, хотя и хотела побить его лопатой, но смирилась с выбором. Ведь в долине Кышпыш золотые зубы были таким же показателем статуса, как автомобиль «бентли» в ледяной Москве. Если что, золотой зуб можно вырвать и обменять на десяток баранов.

Мысли Зюзюли бродили привычными тропами. Гунсус-Мунсус был поглощён торговлей. И никто не заметил, как один из беляшей пришёл в движение.

Жучка близка к провалу

Жучка свыкалась с новым телом. Двигаться на лапах из теста было не так просто, но, безусловно, удавалось. Шаг, другой. А вот перейти на бег не получалось. Хрустела поджаристая шкура.

Собака испытала досаду и гавкнула.

Жучка совершенно не ожидала, что у неё получится гавкнуть вслух. Но звук – раздался.

– Гав!

Страх пришёл лишь потом, когда Жучка увидела (а она могла и видеть), что к ней обернулись и Гунсус-Мунсус, и его женщина.

И оставалось только беспомощно твякнуть и попятиться.

Гунсус-Мунсус схватился за большой кухонный нож.

– Уиии! – взвизгнула Жучка, понимая, что доживает в новом теле последние секунды.

Импульс страха электрическим разрядом прошёл по фаршу и оболочке из теста, разбудил сомлевшее после «баньки» сознание вора в законе. Доли мгновения потребовались Беляшу, чтобы осознать всю критичность своего положения. Он зафиксировал нож. Ситуация была знакома по прошлой жизни, и Беляш, вышвырнув Жучку на задворки подсознания, взял руководство телом на себя. Беляш метнулся в сторону, и нож Гунсус-Мунсуса вошёл в столешницу в полтора сантиметрах от сдобного тела криминального авторитета.

Тем временем в Небесной канцелярии

Именно в эти мгновения Небесная канцелярия зафиксировала молитву, поступившую из окрестностей Савеловского вокзала в Москве.

Сила молитвы была такова, что её отнесли к категории *экстра*. Согласно должностной инструкции, такие молитвы рассматривались в первую очередь.

«Господи! За что ты меня так? – сообщалось в молитве. – Столько лет в призраках чалился, под пулю попадал. Пожить не успел – и под нож? Господи!»

Дежурный ангел вник в обстоятельства и обнаружил, что воззвание исходит от кулинарного изделия, которое хотят изрубить на части. Когда подобная молитва приходила от человека, инструкция предписывала запросить досье и, на основании информации, вынести решение о целесообразности оказания помощи.

Досье составлялись на людей и на некоторых животных. Но никогда – на кулинарные изделия.

Впрочем, этот случай оказался исключением. Досье на беляш существовало. За две наносекунды людского времени ангел ознакомился с информацией и принял решение.

Нюансы коммерции

– Беркелькегугук! – страшно выругался Гунсус-Мунсус перед тем, как нанести второй, решающий, удар.

Гавкающий беляш был загнан в угол. Спасения для него не существовало.

– Кишкимэпестык! – огласил приговор торговец беляшами.

И тут в окошко постучали.

Гунсус-Мунсус раздосадованно повернулся. В окошко стучал молодой человек самой жалкой и потрёпанной наружности.

– Дайте один беляш, пожалуйста!

Покупатель высыпал на прилавок горсточку мелочи. Гунсус-Мунсус положил нож перед гавкающим беляшом – всё равно не уйдёт – и быстро пересчитал мелочь.

– Что даёшь? – возмутился он. – Пять рублей не хватает.

Действительно, один беляш стоил сорок рублей, а жалкий молодой человек давал только тридцать пять.

– Я знаю, – жалобным голосом сказал молодой человек. – Но это – мои последние деньги!

– Забирай, уходи, – отмахнулся Гунсус-Мунсус.

– Ну пожалуйста! Я... я и надкусанный могу взять!

И тут Гунсус-Мунсуса осенило. Он взял салфетку, повернулся и подхватил бунтующий беляш, который, кажется, снова наладился сбежать.

– Ладно, бери! – изображая недовольство, Гунсус-Мунсус протянул бракованный беляш в окошко.

– Спасибо! – обрадовался молодой человек.

– Иди-иди!

Хепти-энд

– Кишкильмэбирждыгдыг! – радовался Гунсус-Мунсус.

– Оннеоху! – одобрительно сказала мудрая Зюзюля.

– Ням-ням! – произнёс Гунсус-Мунсус. Потом при помощи пальцев изобразил движение пережёванного мяса по пищеводу, остановил руку в районе желудка и тонким голосом добавил: – Гав! Гав!

– Ха-ха! – смеялась Зюзюля.

Для этих людей эта история обрела счастливый конец. Больше мы с ними не встретимся.

Хрустальный мир

Молодого человека жалкого вида звали Константином. Из дома – съёмной квартиры на Нижней Масловке – его выгнало чувство голода.

Вчера Константин вовсе не имел жалкого вида. Вчера он был весел, устраивал вечеринку для друзей, сорил деньгами. Но утром он обнаружил, что деньги закончились, а друзья – разошлись по делам, оставив хлебосольного хозяина даже без сигарет.

Накануне вечером Константин смешал в себе сразу несколько веществ: виски, водку, ЛСД. Сейчас ему было не по себе, и окружающая действительность казалась выпешедшей из-под кисти Пикассо периода увлечения кубизмом.

Константин был родом из Саратова, в Москве учился на искусствоведа. Каждый месяц родители присылали ему по пятьдесят тысяч рублей. Тридцать уходило на квартплату. На остальное Константин жил.

Как на грех, денежный перевод он получил только вчера. По счастью, успел заплатить за квартиру. На остальное – закатил вечеринку. Ещё тридцать дней предстояло прожить неясно как.

Константину было 22 года. И по поводу отсутствия денег он не тревожился. В конце концов, у него была в столице жилплощадь, пускай и съёмная. А это значило, что будут гости, а с ними – какая-нибудь еда.

Главной задачей было продержаться до сегодняшнего вечера. А именно – настрелять сигарет и добыть на тридцать пять рублей какой-нибудь еды.

Удача сопутствовала Константину. Он настрелял восемь сигарет и купил беляш. Продавец оказался хорошим человеком.

По опыту Константин знал, что, когда он поест, хрустальность восприятия мира пройдёт. Впрочем, эта хрустальность сопровождала молодого человека со вчерашнего вечера и уже успела стать обыденностью.

Константин подул на беляш и раскрыл рот в намерении откусить сочный кусок.

– Не ешь меня, – раздался тоненький голос.

– Что? Кто это? – заозирался Константин.

– Кто, кто? Жираф в пальто, – сказали ему.

Константин не был трусишкой, но сейчас он хотел закричать.

Потому что с ним разговаривал беляш.

Часть II

От зайца

Крах картины мира

В этот момент, застыв с полуоткрытым ртом, студент Константин испытал мгновения кристального, обжигающего страха.

Страх, как поняло его подсознание, происходил, прежде всего, от непонятности и чужеродности объективной реальности. До какого-то момента Константин, как мыслящий субъект, наблюдал вокруг себя проявления рационалистичности, закономерностей и даже некоторую механистичность окружающей действительности. Реальность казалась именно механизмом, который вдруг, неожиданно, закрипел, заскрежетал и прекратил размеренно-поступательное движение.

Для того чтобы разрушить стройную картину мира, оказалось достаточно всего лишь одной досадной мелочи.

Достаточно было того, что с Константином заговорил беляш.

В мире, который был ведом Константину, кулинарные изделия не разговаривали. Но ощущения сообщали другое. Столкновение знаний и впечатлений высекало в душе Константина обжигающие искры страха. Константин отказывал беляшу в субъектности, в способности как-то проявлять себя иначе, чем быть съеденным.

Константин думал именно об этом, но мысли не были артикулированы в слова, поэтому голосовой аппарат студента оказался способен произнести лишь следующее:

– Что это за х...я?

Как стать лидером проблемного коллектива (методика воров в законе). Совет № 1

Когда Беляша ещё при жизни спрашивали, как он достиг своего положения и сумел высидеть среди опасных людей, самому безобидному из которых было достаточно, собственно, мгновения, чтобы всерьёз испугать примерно полтора десятка обывателей, вор в законе давал очень простой ответ:

– Я людей насквозь вижу. Смотрю и знаю, кто этот человек по жизни. Вот это главное понимать. А иногда не проживёшь без этого.

В новом теле Беляш отнюдь не утратил лидерских качеств. Покушавшегося на него студентика бывший вор в законе уже видел насквозь. Догадывался о его желаниях, проблемах и даже вчерашней разорительной вечеринке.

Главным было определиться с интонацией.

Тонкости этикета

– Здоров, чепушило, – сказал Беляш, с удовольствием отмечая проявления страха, выразившиеся в расфокусировке взгляда, дрожи рук, изменении сердечного ритма реципиента.

– Зд... зд... привет! – ответил Константин.

– Короче, так, – продолжал Беляш, насладившись ужасом собеседника. – Сейчас кладёшь меня вон в те кусты и тусуешь куда шёл.

Ужасом, который испытывал студент, следовало дорожить. Его нужно было беречь и лелеять – этот ужас. Тем более что он мог и пройти.

– Какого хрена?! – страх студентика переходил в фазу агрессии. – Чувак, я же тебя купил за свои...

Не стоило быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что покупка была совершена за последние деньги. Следовало нападать и развивать успех.

– А что ты мне тыкаешь? – пошёл в наезд вор в законе. – Ты кто такой, э? Место твоё по жизни где?

– Извините! – студент с услужливой поспешностью вернулся к уважительному «вы».

– Так-то лучше, – одобрило кулинарное изделие.

Объяснение происходящего в сознании Константина (попытка № 1)

Константина кто-то разыгрывал. Возможно, кто-то из его товарищей или знакомых. Сейчас шутник стоит за спиной и озвучивает беляш буратинистым голосом. Всё просто!

Проверка гипотезы № 1

Константин обернулся. Толпа за его спиной точно так же спешила по своим делам, как и перед ним, и слева, и справа.

Знакомых лиц не наблюдалось.

– Что башкой крутишь? – шло в атаку кулинарное изделие. – Я здесь, перед тобой.

Следовало признать, что гипотеза № 1 не подтвердилась.

Но в разуме Константина уже родилась

Гипотеза № 2

Это – программа «Розыгрыш». Или какая-нибудь «Скрытая камера».

Вон там, в кустах, может скрываться звукорежиссёр с лохматой шваброй, которой ловит звуки. А вон те типы – сто процентов операторы. А вон тот пузатый – ну, вылитый режиссёр.

А в беляше спрятан (или запечён) микрофон. Можно и зуб сломать.

Проверка гипотезы № 2

– Вы меня разыгрываете, – сказал беляшу Константин.

– Не лсти себе, – ответил Беляш. – Много чести.

Сознание Константина, если пользоваться люмпен-программистским лексиконом, зависло. Картина мира расплзлась на глазах и не могла пока что собраться во что-нибудь осмысленное.

– Просто положи меня в кусты.

– А может, я вас всё-таки съем? – сказал студент.

Как стать лидером проблемного коллектива (методика воров в законе). Совет № 2

– И вот случилось, парень, тебя напугали, – двадцать лет тому назад Беляш невольно цитировал группу «Кровосток» одному из приближённых. – Притом напугали конкретно. Ты даже обосрался.

– И что делать? – спросил приближённый.

– Встать против ветра. Враг не должен нюхать твою дрисню.

– Ну а вдруг унюхает? – настаивал приближённый.

– Никакого «вдруг» быть не должно. Сделай так, чтобы он сам обосрался.

Пищеварительная система криминального авторитета не была его сильным местом. И – да – Беляшу случалось пачкать исподнее во время некоторых разборок. Но об этом никто не знал, кроме баб, которые за Беляшом стирали.

Июль 1992 г.

В тот вечер Беляш вернулся домой с сумкой, полной бабла, и трениками, полными той субстанции, которая имеет свойство сниться перед получением денег.

Тогда в его хате хозяйкой была восемнадцатилетняя дурында, победу которой Беляш спонсировал на конкурсе красоты «Мисс Бирюлёво». Дурында была несносна в быту, капризна, постоянно говорила по телефону, готовила несъедобно.

Вернувшись домой – в двухкомнатную съёмную квартиру в Отрадном, Беляш швырнул сумку с деньгами в коридоре. Разулся, стянул с себя треники. Трусняк.

– Это же говно! – завопила победительница конкурса.

– Я знаю, – сказал Беляш. – Отстирай.

– Не буду! Сам насрал, сам и стирай!

Это были, в общем-то, последние слова «Мисс Бирюлёво» на этом свете.

Уже на исходе ночи тело её было разрублено пацанами на части, расфасовано по полиэтиленовым пакетам с портретами писателя Германа Гессе и рассыпано по дальним подмосковным помойкам.

Философская дискуссия

– Да, – убеждал сам себя студент. – Я вас, наверное, съем.

В этой ситуации Беляша утешало только то, что студент не прекращал обращаться к нему почтительно, на «вы».

Но, с другой стороны, студент был явно с похмелья. Стоило рискнуть.

– Меня не существует, – сказал Беляш.

– Это почему? – удивился Константин.

– Бухал вчера? Что-то, кроме алкоголя, употреблял?

– Ну... да... – капитулировал студент.

– От мёртвого ишака елда. Я – твой глюк. Меня не съешь. Я буду тебя преследовать.

– Слушайте, я есть хочу! И я вас за деньги купил! Какого чёрта?

Константин вдруг понял, что прохожим он, наверное, кажется странным – он стоит на людной привокзальной площади и разговаривает с пирожком. Может, на него уже внимание обращают. Хотя какого чёрта? Может, это он по мобильному с гарнитурой хэндс-фри разговаривает? Только вон тот вот лысый мужик с большой сумкой рассматривает Константина с подозрительным интересом.

Студент смутился.

– Я не знаю, что ты там купил, – отрезал Беляш. – Но я – существую только в твоём воображении.

– Так а почему вы боитесь, что я вас съем?

– Потому что я – существую.

– Но только, получается, во мне.

– Да, паршивенькое место обитания. Но куда деваться?

– То есть, подождите, я сейчас буду есть пустоту? И, в таком случае, может быть, я наемся хотя бы в своём собственном воображении? – не отставал студент.

– Поверь, парень, в виде говна я ещё хуже, – сказал Беляш. – Даже воображаемого.

Битва инстинктов

Вор в законе гнул пацана на одном базаре. Процессу этому Беляш отдавался с удовольствием. Как художник после долгого творческого перерыва, вновь взявший в руки кисть.

Сейчас, казалось Беляшу, сейчас этот лошок отнесёт его в какое-нибудь незаметное место. И оставит в покое. Но корявый палец обстоятельств внёс чудовищные коррективы в ткань блистательного плана.

Голод похмельного студента вдруг пересилил доводы разума. Тело, не дожидаясь, когда нерешительный рассудок всё-таки примет хоть какое-нибудь решение, решило перехватить власть и перешло в режим автопилота.

Челюсти студента разомкнулись и в долю мгновения нависли в пугающей близости от плоти Беляша. Хуже всего было то, что и челюсти, и лицо Константина пребывали в состоянии движения.

Время в восприятии Беляша замедлилось. Вор в законе успел осознать опасность и даже предпринять некоторые действия.

А что он мог сделать?

Разве только, повинувшись такому же инстинктивному страху, вытолкнуть вперёд себя затаившуюся на окраине мозга Жучку, которая, ощутив тело в своей власти, не успела порадоваться своей победе. Торжество сменилось смертельным страхом. Так бояться могут только животные, которых вот-вот убьют.

Из самых глубин своего естества Жучка исторгла вопль. Она кричала, и в этом крике, как нити в ковре, сплелись страх смерти, досада, агрессия.

Рука студента, которой тот держал Беляш, конвульсивно дернулась.

Прощание с героем

И Беляш полетел в кусты. А сам студент, вспотев от внезапного ужаса, уходил прочь, не оглядываясь.

Студент вернётся домой, дожждётся гостей, которым он так и не решится рассказать о сегодняшних позорно-психоделических приключениях.

Больше ему в нашем повествовании делать нечего.

Из огня в полымя

Оказавшись на заплёванном, в окурках, пространстве земли близ кустов, Беляш вновь вернул себе контроль над телом и поспешил укрыться в глубине лысых мёрзлых прутьев.

Но этим планам не суждено было воплотиться в жизнь.

Беляш вдруг ощутил, как его хватают нечистые заскорузлые пальцы. Он увидел большую лысую голову, хищный прищур не смирившегося со своей судьбой неудачника.

Лысый дядька с большой сумкой уже достаточно давно наблюдал за диалогом студента и кулинарного изделия. Вышло даже так, что дядька подслушал практически всю их беседу.

– Попался, – констатировал он, удерживая грубыми пальцами извивающееся тело Беляша.

Часть III

От волка

Гибкие брёвна

Беляш брыкался и вырывался. Но хватка пальцев, которые его держали, становилась крепче.

Пальцы казались брёвнами. Огромными, твёрдыми и гибкими.

Если бы Беляш мог просочиться сквозь эти пальцы...

Не мог.

Сознание Беляша выло и металось в сдобном теле, просчитывало бесполезные варианты спасения. Беляш не знал, каким образом он видел, и были ли у него вообще глаза. Но сейчас, когда он попробовал их закрыть, видимая картина мира исчезла. Остались только звуки.

И от самого жуткого из них было не скрыться. К сожалению, это был звук человеческого голоса.

– Попался!

В голосе лысого чувствовалось довольство собой, таким ловким. Самодовольство было приправлено некоторым удивлением.

«Что он обо мне знает?» – размышлял Беляш. Он набрался смелости и вернул себе зрение. Над ним нависал рот – нехороший, некрасивый, с прихотливо изъеденными скалами кариозных зубов.

«Я погибну?» – подумал Беляш. – Но зачем тогда я вновь родился? Бог ведь – не фраер. Без цели фокусничать не станет. Значит, я ему нужен. И, может быть, выживу».

Эта мысль придала Беляшу смелости. Беляш рискнул рассмотреть своего мучителя.

Классификация людей по типам (опыт вора в законе)

Сашка Беляш потому и был коронован, что мог с первых секунд классифицировать собеседника и понять, с кем имеет дело.

В данном случае Беляшу было очевидно, что сейчас угроза его жизни исходит от человека, подобных которому вор в законе называл х..нариками.

Х..нарики были переходным звеном эволюции между чепушилами и нормальными пацанами. С чепушилами х..нариков роднила мелочность устремлений и копеечность выгод. Однако и перспективы роста в нормальных пацанов у х..нариков теоретически были. Но до тех пор они заслуживали презрения, их интересы игнорировались и к сведению не принимались.

В любом случае, погибать от зубов презренного существа Саньке Беляшу совсем не хотелось. Саньку называли королём Кагалыма. А лысый в лучшем случае был королём вокзальной урны. Да и то – регалию эту могли и оспорить.

Беляш ощутил ненависть, ощутил жажду жизни.

– Отпусти! – пискнул он на пределе сил кулинарного своего тельца.

– А ну, стопэ! – произнёс мучитель. – Так ты в натуре разговариваешь?

23 минуты назад

В вагон электрички, следовавший из города Лобня на Савеловский вокзал Москвы, со стороны ближайшего тамбура вошёл лысый человек в невзрачной клеёнчатой куртке и грязных джинсах. Немолодой, но и до старика ему было далеко.

Он дождался, когда допоёт инвалид с гитарой, развлекавший вагонную публику жалобной песней.

Я вот так потерял свою ногу.

И сожрало её пороса.

Помогите же мне, ради Бога.

Пусть в вашей жизни будет только белая полоса.

Инвалиду жидко похлопали, потянулись к кошелькам сочувственные руки. Поющий инвалид поехал дальше. А лысый человек в клеёнчатой куртке уверенно занял место в центре прохода, демонстрируя окружающим свои намерения. Перед собой он держал букет пластмассовых роз.

Человека звали Серёгой Волковым. Ему было 42 года. На жизнь он зарабатывал вагонной коммерцией.

– Уважаемые граждане пассажиры! Прошу минуточку вашего внимания! – публика в вагоне, разогретая предыдущим выступлением, уже раскрыла кошельки. – Вам предлагается универсальный и уникальный подарок любимым женщинам – поющий букет цветов!

Серёга нажал кнопку на пластмассовом стебле. Букет запел голосом Юры Шатунова:

Белые розы! Белые розы!

Беззащитны шипы...

Серёга ещё раз нажал на кнопку. Батарейка выдавалась одна на день. Можно, конечно, израсходовать и купить за свои. Но дураков нет. Никто такие расходы не возместит. Поэтому следовало экономить.

– В репертуаре этого чудо-букета есть ещё несколько песен...

«Розовые розы Светке Соколовой» и «Я буду долго гнать велосипед...». Все три песни Серёга Волков люто ненавидел вот уже полтора месяца – с тех пор, как взялся за этот бизнес.

– Что бывает с обыкновенным букетом цветов? – продолжал Серёга заученное. – Ему порадутся. Через день-два он увянет, и его выкинут. Чудо-букет никогда не вянет, как и ваши чувства к даме, которой вы его подарите. Вы можете быть уверены – его не выбросят на помойку. Кроме того, и это главное, товарищи мужики (интонация запанибрата была зазубренной и действовала безотказно), этот чудо-букет можно подарить несколько раз. Несколь-

ким женщинам. А ещё его можно спрятать в шкаф, достать через несколько лет. Послушать песенку. И насладиться воспоминаниями. Цена букета – триста рублей. Дешевле не найдёте нигде.

Серёга вальяжно пошёл вдоль вагона, по возможности заглядывал в лица пассажиров. Но его взгляд никто не перехватывал. Пассажиры отворачивались к своим книжкам, мобильным и планшетами. Кошельки при Серёгином приближении закрывались.

Ещё один неудачный вагон. Сколько их было, сколько ещё будет...

Серёга спрятал букет в сумку, где лежало ещё полтора десятка нераспроданных универсальных подарков, и двинулся на выход. Сейчас, на вокзале, он объявит себе перекур. Может, съест чего-нибудь. Серёга был очень голоден.

Одна из жизненных заповедей Серёги гласила: «Не надо спешить расставаться с деньгами. Ведь может перепасть и задаром».

На привокзальной площади Серёга Волков огляделся. И увидел, как упоротый студент разговаривает с беляшом. Видел странный финал этого разговора. Быстро поднятое в Серёгиной системе ценностей не считалось упавшим.

– Попался! – сказал Серёга больше для себя. Ведь не станет он с кулинарным изделием разговаривать? Ведь правда же?

– Отпусти! – пискнул беляш.

И вот тут Серёга чуть было не растерялся.

– А ну, стопэ! – сказал он. – Ты действительно разговариваешь?

У Серёги зачесался нос. Это была примета. Нос мог засвербеть перед получением пи... лей. Или перед удачной сделкой с последующей пьянкой. Верить хотелось, конечно же, во второе.

Восемнадцать минут спустя

– ...Цена одного букета – триста рублей. Дешевле не найдёте.

Серёга пропорол цепким взглядом скучающий вагон. Покупателей не предвиделось.

– Кроме того! – заговорщический тон Серёге неожиданно удался. – Только сегодня. Эксклюзивнейший товар.

Появились заинтересованные взгляды. Один... Другой... Десятый...

– Говорящий беляш!

Серёга достал из сумки полиэтиленовый пакет, в котором томился и потел мясной испариной его пленник.

– Чё, в натуре разговаривает? – спросил кто-то.

– Именно!

– Почём? – интересовался кто-то ещё.

– Тысяча рублей, – загнул Серёга. – Товар редкий, ребята. Штучный. Только для вас.

– А пусть скажет чё, – попросили гопники с недобрыми прыщами на лицах.

– Сейчас, сейчас скажет!

Пальцами Серёга сжал кулинарное изделие сквозь полиэтилен пакета. Там говорящий беляш оказался из соображений гигиены и товарного вида.

Беляш молчал.

– Сейчас, пацаны, сейчас, заговорит, – сказал Серёга.

Он давил и давил тельце кулинарного изделия. Мял его, как спортсмен выжимает свой кистевой эспандер.

«Ну говори же!»

– И где? – спросил самый неприятный из гопников. – И чё?

– Он так-то разговаривает, пацаны. Сукой буду!

«Задохнулся! Сдох! – мысленно взвыл Серёга. – Ну скажи что-нибудь, беляшик, миленький! Ну что тебе стоит?»

Беляш хранил молчание. А из взглядов людей, окружавших Серёгу, пропал всякий намёк на доброту.

– Братан, а что это ты только что пытался нам втюхать? – спросили Серёгу.

– Он говорил, вот буквально недавно!

Серёга уже давно проклял то мгновение времени, когда ему показалось, что беляш владеет навыками членораздельной речи. По морде Серёга Волков практически немедленно принялся получать при (редкий и печальный случай!) практически полном народном одобрении.

Мелькали руки, ноги. Серёга выл, изворачивался, прикрывал голову и зубы.

Кто-то потрошил его сумку. В открытое окно вагона посыпались пластмассовые букеты. В одном из них сработала кнопка «вкл.», и над железнодорожной эстакадой и протекающим под ней многополосным шоссе запищала песня:

Белые розы, белые розы!

Беззащитны шипы...

Обгоняя букеты, с эстакады падал и Санька Беляш. Он вывалился из пакета.

В пакете он отключился. Как перед третьей ходкой, когда менты делали из него «космонавта», натягивая на голову полиэтилен и лишая тем самым возможности дышать.

Розы над эстакадой

Волна холодного, пьяняще свежего воздуха обдала тело, и Сашка Беляш очнулся.

Первый мгновенный восторг улетучился, сменившись иллюзией полёта.

Которая за долю секунды трансформировалась в реальность падения.

Неизвестно откуда. Неизвестно куда.

– Ааааа!!! – завопил Сашка Беляш.

– Вииииии!!! – завывала Жучка.

А в следующую долю мгновения Беляш упал. Сверху на него обрушился поющий пластмассовый букет.

Законы физики

Законы физики, в отличие от законов юриспруденции, не подлежат двоякой (или тройкой) трактовке. От закона физики вас не защитит ни один адвокат. Иной раз вам остаётся только уповать на то, что вектор ваших устремлений совпадёт с законами мироздания.

Так случилось с Санькой Беляшом. Он падал, всем своим рыхлым, поджаристым телом подчиняясь закону всемирного тяготения. Рядом с ним летел букет пластмассовых цветов.

Автомобильное движение на шоссе под эстакадой застыло в пробке. Скорость автомобиля «джип-паджеро», на лобовое стекло которого свалился Беляш вместе с букетом, не превышала семи километров в час. Будь иначе, ни Беляш, ни поющие цветы не удержались бы на капоте, куда соскользнули с лобового стекла.

Включилась сила трения, которая также оказалась сегодня исключительно благоприятно настроена к воскресшему вору в законе. Даже когда водитель джипа затормозил, толчковый импульс оказался не настолько силён, чтобы сбросить Беляша и букет с капота.

Импульс перевернул букет. От соприкосновения с хромированным металлом хлипкая пластмассовая кнопочка перешла в режим другой песни, и цветы запищали песню «Я буду долго гнать велосипед...».

И главное – от толчка и пронзительного звука песни пришёл в сознание Санька Беляш. Пускай с законами юридическими он был в противоречиях, но с законами физики криминальный авторитет, как выяснилось, не конфликтовал.

За 6 минут до этого

Человек за рулём «джипа-паджеро» был крепок телом. Ему было 57 лет, но и бицепсы, и трицепсы его были налиты силой. На животе не было жирка, проглядывали вполне себе отчётливые кубики пресса.

Человек был одет в костюм от «эрмененгильдозегна» и очень в нём страдал. Ему хотелось скинуть пиджак, брюки с острыми стрелочками. Хотелось домой, в баньку с бассейном.

Достав айфон, водитель некоторое время подержал его перед глазами, затем отложил в сторону, на сиденье. Раскрыв бардачок, человек за рулём извлёк из-под атласа автодорог портсигар, в котором лежала самокрутка с марокканской марихуаной сорта «сенсимилья». Водитель зажёг её от прикуривателя, блаженно прикрыв глаза, затянулся ароматным дымом. Ещё одна затяжка. Ещё. Мир вокруг загустевал, как тёплый холодец.

Докурив, человек за рулём выщелкнул окурочек в окно.

Зазвонил телефон. Абонент «Татуса».

– О, Татуля, только что хотел тебе звонить, – голос водителя был хорошо поставлен, имел бархатные модуляции.

– Ну, видишь, как совпало, – промурлыкало в ответ. – Мисюсь, а Мисюсь?

Мужчина в костюме насторожился. Такие подходцы обычно означали только то, что его хотят развести на деньги. Запросы Татуси, в принципе, были в пределах разумного. Но вот уже два месяца, как разговоры о деньгах с её стороны владельца джипа раздражали.

– Чего размисюськалась?

– Слушай, я тут на выходные хочу прокатиться. На Сейшелы, а?

– Прямо вот в это вот время, да? – раздражение едкой волной омыло сознание водителя. – Пока кризис? И с долларом непонятка?

– Ой, да ладно! Мисюсенька! Ведь тебе это семечки, а, баловник сладкий?

«В конце концов, да, пожалуй», – подумал человек за рулём, оттаивая и успокаиваясь. Ничего плохого. Поедет барышня на Сейшелы. А он сам хоть отдохнёт на выходные. В кои-то веки.

– Ну хорошо, – сказал водитель вслух.

– Я знала, что ты не будешь против! Мисюсенька, я тебя люблю!

«Переигрывает», – подумал человек за рулём. Хотя какой искренности он хотел в свои пятьдесят с гаком?

– А можно я ещё Катьку возьму с Танюхой?

– Это с какого перепугу?

– Катьку ты знаешь. Помнишь, на дефиле тебе её показывала? А Танюху... я не помню, знаешь ты или нет.

– А ты не офигела? – спросил Мисюсь.

– Ну сладенький. Тебе же это раз плюнуть...

– Твоих поб..душек на Сейшелы возить – это не раз плюнуть!

– Ну сам с нами отправляйся. Что в Москве дурацкой на выходные делать?

Человек за рулём хотел было возмутиться, но вдруг вспомнил Катьку. Это была блондинка. Вполне себе ничего, хоть и со стервозным носом. Да и на Танюху можно посмотреть. Можно попробовать и вчетвером. Если втроём – это менаж-а-трау, пройденный неоднократно этап, то с тремя бабами одновременно – как это будет называться?

Интерес к возможной поездке повысился. Напряглась ткань на брюках от «эрмененгильдозегна».

– Ну ладно, – сказал Мисюсь. – Я подумаю. Дома поговорим. Ты ведь дома?

– Дома, сладкий. Тебя дождаюсь.

– Давай вот что. Скажи там, чтобы баньку протопили. Я скоро приеду. Ага?

– Ага.

– Ну всё.

Человек за рулём нажал «отбой».

И в это же мгновение на капот упали два предмета.

Подарки Силы

Человек за рулём, откликнувшийся на имя Мисюсь, был суеверен. За свою жизнь он прочёл не так чтобы много книг. Значительную часть составляло собрание сочинений Карлоса Кастанеды.

Мисюсь помнил, что такое «подарки Силы», и слабо верил в случайности. Не могут просто так падать с неба предметы. Да ещё по парам. Человек в пиджаке заглушил двигатель и вышел из салона.

Первым из подарков был букет пластмассовых цветов, который слабо пел голосом певца Александра Барыкина:

...И подарю букет

Той девушке, которую люблю.

«А что? – подумал Мисюсь. – Татке подарю. Приколется».

Там, где стебли пересекались, была пластмассовая кнопка. Мисюсь нажал на неё. Барыкин замолчал.

А вот второй из подарков представлял собой беляш – из тех, что продают в дешёвых уличных ларьках для гастарбайтеров. Беляш уже остыл, местами его поверхность приобрела не самую приятную осклизлость.

Честно говоря, такую гадость противно было даже в руки брать. Хотя по форме гадость была похожа, кажется, на собаку.

Но прежде, чем Мисюсь успел выкинуть неприятное кулинарное изделие, оно заговорило.

– Мишаня! – отчётливо услышал человек в пиджаке. – Потапченко! Ты, что ли?

«А не перебрал ли я с сенсимильей? – подумал человек в костюме. – С каких пор беляши называют меня по имени?»

– Ну допустим...

Мисюсь умел разговаривать с барыгами, жуликами, ментами, чиновниками, политиками, риэлторами, инвесторами. Но опыта в общении с пирожками у него ещё не было.

– Мишаня! Е..ть ты раскабанел! – Беляш говорил немыслимое. В таком тоне с Михаилом Потапченко, видным российским бизнесменом и без пяти минут фигурантом списка «Форбс», не разговаривали уже давно.

– Ты... вы... эээ... ты кто? – Михаил путался в базаре, как юный лошпет перед уважаемыми пацанами.

– Ха-ха! Братан! Сколько лет, сколько зим! Это ж я, Сашка Беляш!

– Сашка? Но ты... тебя же...

– Так вернулся я!

На открытом воздухе было совсем не жарко. Тем не менее претендента на список «Форбс» прошибла испарина. С беляшом и пластмассовыми цветами в руках он вернулся в салон джипа, забыв даже тронуться вперёд, в наметившийся в пробке просвет.

Сзади возмущённо библикали и гудели. Но в данный момент Михаила Потапченко всё это не волновало.

– Саня? – спрашивал он у куска теста.

И сам себе не верил.

Часть IV

От медведя

Секреты делового успеха: как использовать галлюцинации для развития бизнеса

Галлюцинации у без пяти минут персоны списка «Форбс» порой случались. И Михаил Потапченко относился к ним с уважением.

Кто-то из круга общения Михаила спонтанных видений боялся. Были и такие, кто пытался получать от их общества удовольствие. Оба подхода – неправильные. Глюков бояться не надо. Но и радоваться им – тоже лишнее.

Глюки обитают в мире снов. И там им, по правде говоря, самое место. Когда ты спишь – ты их видишь, общаешься с ними. Во вселенной сна подсознательные существа по большей части спокойны и умиротворены, как сытые рыбы в аквариуме. Встречаются и буйные экземпляры. И тогда встреча с ними превращается в кошмар.

Во сне их аквариум – это твоя голова. Но вот на твоём айфоне активизируется будильник. И рыбы сна бегут из твоей головы. А ты просыпаешься. Двери восприятия захлопываются.

Обычно к моменту захлопывания все гости успевают удрать и подтереть за собой – в твоей памяти. Ты ведь в основном не помнишь, кто гостил ночью у тебя в голове. Башка твоя была открыта для посещений, как цех распродаваемого завода для экскурсий потенциальных инвесторов.

Случается и так, что двери захлопнулись, а не все гости успели покинуть помещение. И ты рассматриваешь случайное сновидение, пытаешься понять, что оно значит. А пойманная разноцветная рыбка и не может ничего тебе объяснить. Она осталась одна, самая нерасторопная. Другие-то ускользнули.

Глюки, которые приходят наяву, когда двери закрыты, они иной породы. Они прорываются сквозь запертые двери, выламывают их. Хотя, конечно, хозяин, случается, и сам расшатывает засов.

Иногда гости из сна врываются в твою голову, чтобы сообщить тебе что-то важное. Может случиться так, что ты правильно поймёшь сигнал. Может быть, твоя понятливость изменит твою жизнь.

Однажды Михаилу надо было подписать контракт с неким барыгой. Не вдаваясь в детали: соглашение было выгодным, сулило не самую скорую, но отчётливую прибыль. Когда Потапченко вознёс свой статусный «паркер» над зачитанным до самого мелкого шрифта контрактом, за спиной раздался отчётливый голос:

– Ванька подписал, потом сосал.

Михаил обернулся. За спиной не было никого, кроме секретарши. Своей, которая совершенно определённо говорила другим голосом. Не тем, который слышал Михаил.

Босс незаметно для гостей кабинета подмигнул ей, высунул кончик языка. Дважды провёл им по губам. Секретарша не кивнула. Но всё поняла правильно.

Пока Михаил тянул время, она позвонила ему из приёмной. Потом Михаил, сославшись на важный звонок, имитировал важный эмоциональный разговор. Пару раз матюгнулся. Потом бросил тяжеловесную, как в министерстве, трубку на рычаги, вытер пот, пожаловался на непредвиденные проблемы.

Подписание перенесли.

А через пару недель на потенциальных партнёров наехала ФСБ. Досталось и тем, с кем они вели дела. А Михаила пронесло.

Благодарить стоило того, кто предупредил Михаила, оставшись невидимым. Кого, наверное, невозможно было увидеть. Как и понять – кто это вообще.

Хотя, когда Михаилу было восемь лет, утонул его старший брат Олег, четырнадцати лет. Дело было на даче. О его гибели Мишка не горевал. Братец частенько отрабатывал на нём приёмы уличной драки. Жить без него Мишке стало легче. Хотя для приличия на похоронах он вымучивал слёзы.

Возможно, с ним говорил Олег. Но не факт.

Невидимый гость навещал Михаила ещё четырежды. Один раз Потапченко его не послушался и неудачно женился. Ущерб был, в принципе, сопоставим с набегом силовиков.

Невидимый был хорошим гостем, благожелательным. Про остальных визитёров этого сказать было нельзя. Ведь мир сна – по сути, зеркало реальности. В зазеркалье тоже встречаются плохие парни.

Кто, если разобраться, способен войти в чужой дом без стука, да ещё и выломав дверь (пусть и с хлипким засовом)? Или гопники, или придурки.

От таких всякий хозяин мечтает избавиться. А у предусмотрительного на стене висит ружьё. Михаил был предусмотрителен. И регулярно пополнял в своей автомобильной аптечке запасы глюкогонных таблеток.

Даже если говорящий беляш не был настоящим Санькой Беляшом, его следовало выслушать, попытаться понять. Мало ли...

Не бот ли ты, мил человек?

Прежде всего следовало удостовериться, что Санька – настоящий.

– Саня! Санёк! – как тибетский монах мантру, проговаривал без пяти минут фигурант списка «Форбс». И вдруг произнёс неожиданное: – Вот и свиделись.

Михаил привёл свой джип в движение, проехал несколько метров. Бибиканье сзади смолкло или уже не относилось к Михаилу.

Всё вокруг показалось абсурдным, нелепым. Вся эта нескончаемая очередь из автомобилей. Значение имел только комок нашпигованного мясом теста, что сейчас лежал слева от руля, на чёрной пластиковой панели.

– Где ж ты был, Санёчек? Где ж тебя носило? – Михаилу казалось, что он взял верную интонацию.

– Этого тебе, Мишаня, лучше не знать, – ответил Беляш.

– А давай, старый, без обид, вот что сделаем, – предложил Михаил. – Я тебя спрошу кое о чём. А то морда лица у тебя, сам понимаешь, изменилась.

– У тебя, старый, тоже. У тебя тоже. Только вширь.

– Да и тебя, я смотрю, помотало.

– Ага. Как в сказке. От дедушки ушёл, от бабушки ушёл. Спрашивай давай, что хотел.

– Димку Пепелявого помнишь?

– Ну.

– Кто ему палец отрезал?

– Хирург, ёпта.

– А какой?

– Какой хирург? Или какой палец?

С каждым словом Михаил всё больше узнавал старого знакомого. Но пока не позволял доверию преодолеть все барьеры внутреннего скепсиса.

– Какой палец.

– Средний, ёпта.

– А почему?

– По, б...ь, кочану.

Михаил усмехнулся. По манере разговора кулинарное изделие было весьма похоже на убиенного Беляша. Но полного доверия почему-то не возникало.

– Я тебе, в общем-то, верю, Саня, – сказал Потапченко, которого один бизнес-портал назвал недавно «королём инвесторов нового тысячелетия». – Но давай-ка я тебе вопросик по тому раскладу задам.

– Ты-то в нём каким боком?

– А никаким. Проверка, что ты не бот.

– Чё?

– Хочу удостовериться, Санёк, что ты – это действительно ты. Вдруг ты самозванец?

«Вспомни-ка, часто ли к тебе в доверие пытались проникнуть кулинарные изделия?» – спросил сам себя Михаил.

– Ну давай свой вопросик.

– Сколько зубов ты тогда сломал?

На несколько секунд в салоне стало тихо. Потом комок теста произнёс ответ.

Март 1992 г. Лесополоса

Свободного пространства полянки как раз хватало на то, чтобы вместить в себя два автомобиля: старенькую «ниву» с ржавыми пятнами и глянцевою, как с картинки, «ауди». И ещё восьмерых человек. Четыре с одной стороны, столько же – с другой.

Оружие было и у тех, и у других. Стрельбы не хотел никто.

– Так что решим насчёт барыг? – спросил Димка Пепелявый, битый жизнью и спортом человек двадцати восьми лет.

Он был молодой и ранний. И ещё наглый.

Пепелявый набрал бойцов в качалке, посулил им «мерсы», «кожаны», стабильный доход в семью.

До поры Пепелявый поступал правильно. Ошибку он сделал, когда решил наехать на Беляша с братвой.

Но сам ещё об этом знал не чётко.

Люди и машины образовывали импровизированный круг. В центре беседовали двое. Пепелявый и Беляш. Пока что беседа, говоря языком дипломатических протоколов, шла в миролюбивом ключе. Но с каждой минутой Пепелявый всё больше накручивал себя, начинал проявлять агрессию.

– Насчёт барыг, спрашиваю, что решаем? – бычил он на Беляша, пытался толкнуть его грудью.

– Что решим, говоришь? – до этого момента Беляш гонял во рту сигарету – от одного края к другому. Потом обратно. Теперь Беляш виртуозно выплюнул её. Без помощи рук, придав импульс языком и губами. Не каждый так умеет.

Окурок прицельно пролетел по-над ухом Пепелявого. Бойцы Беляша заушугукали одобчительно.

– Во-первых, то решим, что ты меня своими сиськами не пихаешь, – продолжил Беляш после внушительной паузы. – А то, знаешь, у рынка стриптиз в вагончике открыли? Вот там одна девочка так вот сиськами пихается. Прямо как ты.

Физиономия Пепелявого наливалась кровью.

– А во-вторых, я не знал, что ты что-то можешь решить по барыгам.

– Да пошёл ты! – Пепелявый вытянул правую руку, оттопырив средний палец.

В ту же секунду Беляш перехватил руку самбистским захватом, вывернул кисть и зубами вцепился в тот самый оттопыренный палец.

Пепелявый поднял крик. Визжал, как баба.

Но хруст костей странным образом оказался громче.

Откусить палец было полдела. Сложнее было его оторвать. Мешали полоски кожи.

Не разжимая челюстей, Беляш мотал головой, пытаясь освободить, наконец, непослушный кусок плоти.

Раз! Раз! Ещё!

Палец поддался. Но вместе с тем что-то предательски хрустнуло и у Беляша во рту.

23 года спустя. Где-то на третьем транспортном кольце

– Я не ломал зубы, братан. У меня мост тогда отошёл. Выплюнул его на снег, вместе с пальцем, – ответило на вопрос кулинарное изделие.

– Здравствуй, Саня! – произнёс Михаил.

Следующий 1 час 43 минуты

За разговором двух старых друзей время летело незаметно.

Автор считает нужным оставить этот разговор за кадром повествования, поскольку никакого отношения к развитию сюжета он не имеет. Разговор шёл в основном об общих знакомых, значительной части которых к этому дню уже не осталось в живых.

Джип бизнесмена Потапченко тем временем наконец вырвался из транспортного затора и понёсся в сторону Рублёво-Успенского шоссе.

Влекомые авторским произволом, мы возвращаемся к беседе двух друзей спустя 1 час и 43 минуты, когда Беляш задаёт важный и волнующий его вопрос.

– А у Лизки-то моей как дела?

– Лизка твоя, – «король инвесторов» ощутимо помрачнел. – Да в порядке, вроде, Лизка.

– Что не так? – спросило кулинарное изделие.

– Да всё так.

– Я же вижу.

– Тебя не нае..шь, – вздохнул человек за рулём. – Твоя Лизка... Б..дь!

Сказанное не относилось к жене покойного. Просто Михаилу пришлось резко объехать дохлую собаку на дороге.

Про себя Михаил уже давно отметил, что сбитых собак на Рублёвке много. Стаи сюда манит сытая жизнь. А владельцам особняков – всё по..й. И собаки, и иногда люди – особенно, когда те выскакивают на vip-трассу.

Иногда Михаилу казалось, что Рублёвку когда-нибудь пожрут дикие собаки. Положа руку на сердце, многие из соседей именно такой участи и заслуживали.

– Продолжай, – хмуро велел Беляш.

– Твоя Лизка мужиков сейчас гнёт в бараний рог. Ты не знал?

– Откуда бы?

– Но тебе ж с того света виднее?

– Да ни хрена собачьего я на том свете не видел.

– Его не существует, что ли?

– Не знаю, братан. Я туда так и не попал.

– Понятно, – буркнул Потапченко. Хотя, конечно же, ничего ему не было понятно.

– Так что Лизка? – интересовался Беляш. – Слышал я, что заказала она меня.

– Да? – Михаил был немного удивлён. – Откуда ты знаешь?

– Так... Слышал.

– Может быть, братан. Я не исключаю такой возможности.

– За охранника вышла, падла?

– За какого такого охранника? – удивился Михаил. – Да нет, братан. Следующим её мужем стал...

Звезда таблоидов

Историю Елизаветы Хрумчковской – светской львицы и сильной женщины – знал, наверное, каждый, кто смотрел российские телеканалы. Любая пенсионерка в самом отдалённом уголке страны могла квалифицированно рассказать историю замужеств Елизаветы.

Тем более что сама Елизавета никакого секрета из них не делала. Она заливалась слезами на передаче Оксаны Пушкиной, гневно вопила в шоу Андрея Малахова.

Весь русскоязычный мир знал, что первым мужем Елизаветы был безымянный бандит, которого убили в смуте начала 90-х. Мерзкий и жестокий человек.

– Я пережила с ним ад, – исповедовалась Елизавета очередной сочувственно кивающей телеведущей.

Потом в её судьбе случился муж – попсовый певец, чья сиюминутная слава пролетела в середине 90-х, но чей хит «Девчонка, я тебя прошу» до сих пор иногда звучит на тематических дискотеках для тех, кому за сорок.

Муж-певец не оправдал ожиданий и был со скандалом брошен. Лиза напоследок вылила на него ушат грязи в паре телеэфиров. Певец не от большого ума радовался дармовому пиару.

Но настоящая слава досталась именно Елизавете. А сам певец вскоре впал в ничтожество и выбросился из окна в не имеющем значения подмосковном городке, не столько из-за переживаний по поводу оборвавшейся карьеры, сколько из-за героиновой интоксикации.

Следующим мужем стал настоящий миллиардер из «Форбс». Елизавета родила от него троих детей, а затем муж вполне предсказуемо оказался подонком и скотиной. Скандал Елизаветы и миллиардера Хрумчковского длился два с половиной года и старательно освещался как телевидением, так и прессой жёлтого формата.

Итогом долгих разборок на всю страну стал развод. Кроме того, на Хрумчковского с подачи бывшей супруги завели несколько уголовных дел, от разбирательства по которым ему пришлось скрываться в Лондоне и жить там, по сведениям таблоидов, весьма непрезентабельно. После того как Хрумчковский стал требовать плату за свои интервью, интерес прессы к нему значительно поутих.

Каждая домохозяйка знала, что сейчас мужем светской львицы стал известный артист балета. Кроме того, Елизавета Хрумчковская пестовала трёх поп-певцов, снабжала их деньгами и организовывала выступления, а также владела сетью салонов красоты и закусочных.

Сейчас бывшая жена миллиардера напоказ стыдилась за Россию. Её стало можно увидеть на политических ток-шоу, где она выплёскивала на оппонентов всю взлелеянную годами стервозность. Попастись ей на язык боялись даже убелённые сединами депутаты. Что уж говорить о противниках помельче калибром.

Сука-любовь

Санька Беляш впитывал информацию о супруге. И то, что он узнавал – малые и, наверняка, не самые достоверные крохи, – насыщали его плоть ядом.

Заражали лютой ненавистью.

Беляш мог бы её простить, если бы сейчас, спустя двадцать с лишним лет, Лизка перестала бы следить за собой, стала бы толстой тёткой с обвисшими сиськами и алкогольной зависимостью.

Да, внешне она бы была неприглядна. Но зато – чиста душой.

Сомнений в том, кто его заказал, у Беляша уже не оставалось.

И только сейчас он, наконец, осознал свою миссию. Найти эту суку, отомстить.

Если она действительно виновата.

Больно Беляшу было не только от того, что волею этой тупой п..ды его просто вывели из игры.

Больно было от светлых воспоминаний. Ведь когда-то Сашка её любил. И где-то в глубине его души хранились радужные картинки о малом времени, проведённом с Лизкой. Но теперь на белоснежную простынь этих сладких меморий словно бы выплеснули ушат помоев.

И вот этого Беляш Лизке простить уже не мог.

Должок из прошлого

– Мишаня, братан, ты ведь знаешь, где она живёт? – спросил Беляш.

- Да что ж не знать. Соседка моя, – ответил Михаил. – Скоро её башенку проезжать будем.
- Отвези меня к ней, – потребовал Беляш.
- Нет, братан, – покачал головой Михаил. – В это я, извини, не впутываюсь.
- Да просто отвези, позвони ей, скажи: «То-сё, хозяйка, на тебе гостинчик».
- Нет, Саня.
- Почему нет-то? Впадляк братана уважить?
- Я не о том. Ты ведь, Саня, мужик не просто крутой. Ты – мужик лютый. Ты её вальнёшь.
- Я?! – засмеялся комок теста.
- Ты, конечно.
- Как?
- Ты сможешь. И знать не хочу, как именно.
- Ты прав, – признал Беляш.
- Ну вот видишь. И я не хочу, чтобы меня как-то с этим связывали.
- Я тебя прекрасно понимаю, братан, – сказал криминальный авторитет. – Но должок за тобой.
- Это какой?
- Беляш напомнил.

О чём напомнил Беляш

Речь шла о мутной и не очень интересной схеме с использованием фирм-однодневок, подставных счетов и неучтённого товара. Действительно, в 1993 году будущий без пяти минут фигурант престижного списка схитрил при делёжке. Схитрил незначительно, на 8 тысяч долларов. Заполировал хитрость путаной отчётностью с участием подставных лиц.

Экономя читательское время и память, что не всем читателям любы описания сложных финансовых хитросплетений, не будем вдаваться не то что в подробности, но даже в суть дела.

Случай настал

- И ты всё время это знал? – спросил Михаил.
- Конечно, – ответило кулинарное изделие.
- А почему молчал?
- А чтобы напомнить при случае.
- И вот случай настал?
- Да, братан.
- Ладно, – вздохнул миллиардер Потапченко. – Вот мы как сделаем. Я тебя подвезу к её забору. Там с фасада – литая ограда. Человек не пройдёт, а ты...
- Потапченко замялся.
- Да ладно, сопли не жуй.
- А ты пройдёшь, братан. А дальше пиз..й к особняку. Уже сам там прорывайся.

Удачи, братан!

- У ворот особняка попрощались.
- До свидания, братан! – сказал Беляш, с неожиданным проворством выпрыгивая из салона. – Спасибо тебе! Свидимся.
- На том свете уже теперь, наверное.
- Наверное. Ну давай.
- Ещё некоторое время «король инвестиций» провожал взглядом комок теста, уверенно двигавшийся к литой изгороди особняка.
- Удачи, братан! – прошептал Михаил, а потом тронул с места свой джип.

Часть V

От лисы

Стерильная деревня

Хотя Беляш и оказался, считай, за городом, вокруг не было ни грязищи, ни обыденного в сельской местности говнища – обязательно непролазного, с неизменными отпечатками бульдозерных гусениц.

Нет! Вокруг были чистые, словно пряничные дома, проезды между которыми покрывала аккуратная плитка, ограниченная геометрически выверенными гравиевыми обочинами.

Криминальному авторитету стало не по себе. Это была какая-то неправильная деревня. Слишком чистая. Неужели здесь живут люди?

Впрочем, откуда-то справа раздавались звуки музыки. В особняке неподалёку мигал отсветами телевизор. Рядом рокотал мотор. Жизнь была. Но она и пугала Беляша. Стерильная эта жизнь. Не понимал такой Беляш.

По гравиевой обочине он перебирал своими конечностями из теста. Шкура кулинарного изделия размокла и размякла, перестала хрустеть. И сейчас Беляшу было так комфортно, как пока ещё не бывало в новом телесном воплощении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.